

ОЛЬГА ПТИЦЕВА

БАР «ПОЛЫНЬ»

СПИН-ОФФ К СЕРИАЛУ
«ТАМ, ГДЕ ЦВЕТЕТ ПОЛЫНЬ»

18+

KION
ОНЛАЙН-КИНОТЕАТР МТС

Ольга Птицева
Бар «Полынь»

«Строки»

2023

Птицева О.

Бар «Полынь» / О. Птицева — «Строки», 2023

ISBN 978-5-00216-080-8

Спин-офф к сериалу «Там, где цветет полынь». Костя Кречетов (Кречет) — фельдшер в городской больнице. В его нелегкой жизни обычно всё, кроме одной странной способности. Стоит Кречету лишь взглянуть на человека, как перед глазами рисуются страшные видения, сводящие с ума. Видения, пахнущие полынью. Костя называет это мортальной гиперестезией, другие могли бы назвать умением видеть смерть, если бы только подозревали об этом странном даре. Все меняется, когда в один день Кречет попадает в таинственный бар, обитатели которого также, как и он, чувствуют терпкий запах горькой полыни... Я — полынь-трава, Горечь на губах, Горечь на словах, Я — полынь-трава. Ника Турбина, 1982 Три факта: 1. В основу рассказа лег сценарий одноименного сериала. 2. Новая история по мотивам мистического бестселлера «Там, где цветет полынь». 3. Путь становления одного из самых противоречивых персонажей сериала.

ISBN 978-5-00216-080-8

© Птицева О., 2023

© Строки, 2023

Ольга Птицева

Бар «Полынь»

Кречет смотрит на свою руку, и его начинает подташнивать. Рука обычная, ничего такого. Чуть загорелая, пальцы длинные, ногти короткие, на безымянном пальце белое пятнышко, наверное, стукнулся, пластина повредилась, вот оно и появилось... «О чем я думаю-то?» – думает Кречет, и тошнит его уже во всю силу. Он сглатывает, рука непроизвольно дергается в такт.

– Решайся, Костя, – говорит Юфа.

От нее пахнет сухой полынной травой, Кречет вдыхает поглубже, прогоняет тошноту знакомой горечью. И даже легче становится, и рука расслабляется – просто лежит теперь на столе, будто уже отделилась. «Уже», – отмечает про себя Кречет.

– Надо решиться, Костя, – выдыхает Юфа ему прямо на ухо.

Полынь окутывает Кречета с ног до головы, словно кокон. Только рука остается снаружи вместе с Юфой. Кречет сглатывает еще раз и закрывает глаза.

* * *

Дежурство выдалось так себе. Кречет стоял во внутреннем дворике и яростно грыз яблоко. Курить хотелось до дрожи, но Евочка научилась так живописно морщиться, когда он наклонялся для приветственного поцелуя, что пришлось бросить.

– Угостить сигареткой? – будто почувствовав его страдания, спросил водитель скорой, кажется, Михаил Николаевич.

– Бросил, – коротко ответил Кречет и выплюнул яблочное семечко себе под ноги.

Папа учил, что в этих семечках самая польза, но йода Кречету хватало и без того. Он желтым впитывался в кожу так глубоко, что не оттереть. И под ногти тоже.

– Спортсмен, что ли? – Кажется-Михаил-Николаевич смотрел неодобрительно. – Или болееешь?

Можно было бы и уйти, но тот же папа учил, что старших надо уважать, а не сваливать от них, оставляя без ответа повисший вопрос.

– Да вредно это, – начал Кречет. – На лабе вскрытие показывали по онкологическому отделению. У мужика бронхи в труху просто. Вот я и проникся.

Кажется-Михаил-Николаевич фыркнул, утер рукавом вырвавшуюся из носа соплю и деловито полез в карман за сигаретной пачкой.

– А я так думаю, все там будем. Чего беречься-то?

Он прикурил от зажигалки, затянулся и выдохнул целое облако табачного дыма. Нужно было отойти, но Кречет жадно подался вперед. Полынь ударила в нос резко и плотно. В мигом сгустившемся тумане мелькнула ночная трасса, ароматизированная елочка, прицепленная на лобовое стекло, и руки, сползающие с руля. Кречет закашлялся от неожиданности. А когда открыл глаза, кажется-Михаил-Николаевич смотрел на него с жалостью.

– А может, и правда тебе побережься надо, – с глубокомысленным видом сказал он и пошел к машине с красным крестом на боку.

Всматриваться в его идущую через туман фигуру Кречет не стал – руль в полынном видении был точно не от казенного уазика, и на том спасибо. Подышал немного, упершись липкими от яблочного сока ладонями в колени, и вернулся в приемный покой. Через два дня кажется-Михаил-Николаевич заснет за рулем своей потрепанной «Лады». В отделении поохают, скинут на венок и забудут. Осиротевшие смены на скорой раскидают между другими водите-

лями, и если они Кречету курева предлагать не станут, то он из чувства благодарности всматриваться в них тоже не начнет. Вот такой нейтралитет.

– Кречетов, на приеме сегодня? – спросил его пробегающий мимо Кропоткин.

– Ага. – Кречет бухнулся на кресло у стола, заваленного амбулаторными картами. – Я бумаги заполню и подойду.

– Не тормози только. – Кропоткин навис над ним, неодобрительно разглядывая папки. – Без тебя опять помирать начнут.

Хохотнул и скрылся в коридоре. Кречет потер лицо и принялся заполнять графу предварительного диагноза Татьяны Валентиновны Мацан, пятидесятого года рождения. Из общего зала приемного покоя настойчиво тянуло полынью, что и понятно. Для Кречета ее горечь привычно мешалась с резким запахом антисептика и хлора. Он научился не обращать внимания – в больнице умирают, так что пахнет тут не только борьбой со смертью, но и самой смертью. А что ее запах не каждый чует, так мало ли девиаций? У кого-то дальтонизм, у кого-то повышенная гибкость суставов, а кто-то нутром чувствует, как на собеседника наползает смерть. Тянется туманными лапищами, горчит на языке и в глазах режет. Кречет даже пробовал придумать определение этой повышенной чувствительности к чужой смерти. Мортальная гиперестезия, например.

– Кость! Тебя там бабка какая-то требует. – Зоя заглянула в фельдшерский кабинет и стянула маску.

– Так Кропоткин уже принимает, меня-то чего? – удивился Кречет, отрываясь от записей.

– Я ей сказала, что врач на месте. А она в меня ваткой кинула, припадочная какая-то. – Поправила маску и снова исчезла в зале.

Только припадочных Кречету не хватало. Евочка всю ночь ворочалась в соседней комнате, начинала поднывать, требовала то горячего молока, то соску, то посмотреть мультики. Нина пыталась удовлетворить ее желания беззвучно. Но в итоге молоко грела мама, а мультики Кречету пришлось взять на себя. Заснула Евочка ближе к пяти, когда до подъема на дежурство оставалось полтора самых сладких часа. Но их Кречет просидел на кухне вместе с сестрой.

– Я совсем не справляюсь, Кость, – повторяла она. – Не могу, не могу, не могу. Я себя уже не помню. И самое ужасное, что легче не становится.

Кречет сумрачно разглядывал цветки, распутившиеся на маминой гортензии, и молчал. Врать, как остальные, он не мог. Мол, ну что ты, Нина, все еще наладится, Евочка перерастет, догонит, на ножки встанет. Кречет знал, что не встанет. И не догонит. И точно не перерастет. А значит, с этим нужно учиться жить. И режим сна восстановить. И за поддержкой обратиться. А главное, перестать делать вид, что это временно. Пока Евочка живет, ничего не изменится.

– Я даже иногда думаю, – страшным шепотом откликнулась на его мысли Нина. – Может, стоило врачей послушаться и не рожать ее? Вдруг Денис был прав?..

Кречет сжал зубы, беззвучно отодвинул стул и пошел умываться. Внутри стало солоно, отдавало железом. Будто он снова получил по зубам от бывшего мужа сестры, но все-таки выпнул его из квартиры. Тогда Кречету очень хотелось почувствовать полынь. Разглядеть, как этот убудок закатывает стеклянные глаза и давится пеной, заходясь в передозе. Но в анамнезе мортальной гиперестезии не было умения управлять чужой гибелью. Только предчувствовать ее. И, к сожалению, Денису скорой смерти можно было не опасаться.

Чего нельзя было сказать про бабуку, что дожидалась Кречета в дальнем углу приемного покоя. Была она высокая и сухая, седые волосы собирала в косу и держалась так гордо, будто это не у нее во рту не хватало большей части зубов.

– Юфия Григорьевна, – спросил Кречет, подглядывая в карту. – Что вас беспокоит?

– Здравствуй, Костя, – неожиданно разулыбалась бабка, легко поднялась на ноги и взяла его за локоть. – Как хорошо, что я тебя тут застала. Поговорить бы нам.

Кречет осторожно освободил локоть и решил уточнить:

– Вы меня, может, путаете с кем-то?

Удивляться чужим странностям он уже перестал, но бабка вела себя так, будто знакомы они были давно и крепко, правда, таких знакомств Кречет старался не водить. Обычно пожилые пациентки либо требовали кого постарше и опытнее, либо, наоборот, прицеплялись, как лесной клещ, так просто не оторвать. И звонили на личный телефон, который он по доброте душевной в начале практики оставлял им. Отвечай потом на обеспокоенные вопросы про давление и опухшие ноги что-то кроме «ну, это по возрасту у вас все, ничего не поделать».

– Да как тебя спутать, дорогой. – Юфия Григорьевна в своем выборе не сомневалась. – Ты не бойся, я тебе вопросик один задам всего. Где тут у вас кабинетик потише?..

Кречет было рванул локоть, чтобы высвободиться из крепкой старушечьей хватки, но стоило наклониться к Юфии Григорьевне, как на него пахло сухо и горько. Травяно. Полынно. Очень знакомо, но не так, как Кречет привык. Никакого тумана рядом с бабкой не было. И смерть ее перед глазами не разворачивалась, как пыльный рулон старого ковра. От бабки просто пахло полынью. Как от самого Кречета. Нина порой жаловалась, что после него в ванной пахнет, как в аптеке. Горечью травяной. Никакой дезодорант с химозной вонью в составе не мог скрыть этот запах. А Юфия Григорьевна, кажется, и не старалась.

– Унюхал? – разулыбалась она. – Ну и молодец. Пойдем, времени у меня кот наплакал.

Кречет повел ее в ближайший пустой кабинет для осмотра, щелкнул замком и остался стоять лицом к двери, пока старуха усаживалась на кушетку, будто и правда готовилась к осмотру.

– Ну чего испугался-то? – спросила она. – Что почуял полынь, это молодец. Но я тебе не вражина какая-нибудь. С советом непрошеным явилась, это правда. Но совет кушать не просит.

– Значит, я все-таки не один такой, да? – резко выпалил Кречет, разворачиваясь к бабке лицом.

Она молча кивнула.

– Охренеть. – Кречет подошел к стулу, вцепился в спинку. – Вот точно знал, что это не я крышей еду, а просто неизученные способности мозга. Даже название придумал – смертельная гиперестезия...

Бабка звонко рассмеялась и откинула косу за спину.

– Ох и дурак! Другие боятся, в церковь бегут, с крыши сигают. А это название придумал и рад. – Смеяться она продолжала, но глаза были грустными. – Ты мне вот что скажи, я к тебе первая наведалься про полынюшку поговорить? Или приходил уже кто?

– Если бы приходил, я бы так не удивлялся. – Кречет обошел стул и осторожно присел, колени у него подрагивали.

– Ну если не приходили, то и славно. – Юфия Григорьевна ловко соскочила с кушетки. – А коли придут, гони к черту лысому. И никаким обещаниям не верь, понял меня?

– Бред какой-то.

Кречет сжал кулаки и разжал. Раздражение собралось в кончиках пальцев и начало легонько вибрировать. Но не драться же с бабкой? Даже если она смотрит так насмешливо, как на первоклашку, зашедшего по ошибке в приемную комиссию универа.

– Голову не забивай, Костя. Я за тобой поглядела немножко, ты хорошо справляешься. Дар свой во благо пустил, лишних мыслей не думаешь, семье своей помогаешь. Так и живи.

– Я у вас совета не просил – начал Кречет, но бабка его перебила:

– А я, Костя, не советую. Предостерегаю я. Чтобы еще один дурачок на полынном поле прахом не развеялся.

– Так, ладно. – Кречет хлопнул вспотевшими ладонями по коленям и встал. – Давайте я вам направление выпишу к психиатру. В вашем возрасте, Юфия Григорьевна...

– Юфа, – поправила его бабка. – Меня полынные люди Юфой зовут. А направлением этим ты себе, Костя, задницу подотри. Я тебе, может, главные слова сказала, а ты со мной как со старухой безумной. Нехорошо.

Теперь ее глаза искрились смешинками, зато голос стал дребезжащим и надрывным. И Кречет как-то сразу успокоился. Деменция. Все эти скачки настроения, когнитивные сбои, фантазия неумная. А что попала своим бредом точно в Кречета, так совпадение. Редко, но бывает.

– Если направление вам не нужно, то нечего время у меня отнимать.

И пошел к двери, стараясь держать спину ровно. Юфия Григорьевна послушно двинулась за ним.

– Я-то пойду, мне и нельзя тут больше. Но ты помни, Костя, если кто посулит желание твое исполнить, не верь. Ничего хорошего они не умеют, только отнимать, лгать и пакостить.

Кречет повернул замок, выпустил бабку в коридор и задержал дыхание, чтобы не учуять ее полынный дух. Та юрко проскользнула мимо. Кречет проводил ее взглядом. В седую косу она вплела зеленую ленту.

«Не ленту, – решил для себя Кречет. – А полынную веточку. Вот она и пахла».

Эта мысль оказалась настолько спасительной, что колени тут же перестали дрожать.

– Ты чего с бабками по смотровым шарисься? – спросил его Кропоткин, по обыкновению пробежая мимо. – Там с ДТП двоих привезли. На одном пара царапин, а второй – в фарш. Угадай, кто из них на мотоцикле был?

«Тот, от которого будет вонять полынью», – подумал Кречет.

И до вечера он гнал из мыслей назойливую бабку, и до вечера думал про нее, как заведенный. Про глаза – блекловатые от старости, но цепкие и живые. Про ладони, которые она спокойно сложила на коленях, пока сам Кречет ерзал и потел. И про косу с полынной веткой.

– Кость, ты где витаешь? – спросила его Нина, когда он в третий раз не ответил на ее рассеянный дежурный вопрос, мол, как там день твой, какие новости.

– Да голова работой забита, – отмахнулся он. – Постоянно дергают по ерунде, присесть некогда.

– Это ты мне рассказываешь? – поморщилась Нина.

Она как раз смешивала для Евочки питательную жижу, остро пахнущую клубникой. Кречет отвел глаза. Обесцвеченный усталостью вид сестры погружал его в вину и отчаяние. Хотелось вскочить, встряхнуть ее за плечи, вырвать из рук пластмассовую бутылочку, в которой она методично разбивала комочки смеси, и вытолкать на улицу, где только шумело лето – пыльное, черемушное московское лето. Евочка в комнате недовольно замычала, Кречет поднялся из-за стола и пошел к ней. Евочка лежала в манеже. К седьмому году она еще не переросла его. Перебирала тонкими ручками в воздухе, приподнимала голову, но сесть сама не могла. Кречет подошел, приподнял ее, усадил и подпер подушкой, чтобы не завалилась. Евочка распахнула глаза, уставилась на него и заулыбалась. Агукнула что-то радостное, вцепилась в руку Кречета своей. И сразу стало легче дышать.

– Мартышка, чего нытье развела? – спросил он, присаживаясь рядом с манежем.

Евочка насупилась, но пальчики сжала еще сильнее.

– Скучно тебе тут? – предположил Кречет. – Лежишь целый день, мультики по кругу гоняешь.

Евочка сморщила нос и пустила ниточку слюны. Пришлось тянуться и промокать его салфеткой.

– Ну я же не могу ее одна таскать! – огрызнулась Нина, возникая позади Кречета. – Ты на дежурстве пропадаешь, мама на смене. А как я ее одну с крыльца спущу?

– Нин, я же не в укор тебе... – попытался сгладить Кречет, но не вышло.

– Все вы не в укор, как же! – Она отцепила пальцы Евочки от руки брата, подхватила ее и понесла к стулику для кормления. – Живете там свою жизнь, а по вечерам с советами лезете. Как мне правильно тут справляться.

Кречет слотнул, потер лицо. Осторожно поднялся с пола и встал позади Нины. Больше всего ему хотелось зарыться носом в ее волосы, как он делал в детстве, чтобы Нина защитила его и спасла. Вот только спасать теперь, кажется, нужно было ее. Но как – Кречет не знал. И просто застыл, тяжело опустив руки. Наблюдал за привычными движениями сестры. Вот она закрепляет Евочку ремнем, чтобы та не соскользнула. Вот присоединяет бутылочку со смесью к соске. Кречет множество раз видел, как пышущая раздражением Нина в секунду становится нежной и осторожной, стоит ей только приблизиться к дочери. Сам он не умел переключаться так стремительно. Да и так ловко кормить Евочку – тоже.

– Давай я тебе помогу, – предложил он, зная, что Нина не позволит.

– Иди уже, помощник. – Она даже не оглянулась. – Сам знаешь, Евка не станет есть с других рук.

Кречет хотел было поспорить, но затрещал дверной звонок. Евочка булькнула и зашлась рыданием. Нина сдавленно чертыхнулась, а Кречет понесся к двери, чтобы прервать этот невыносимый звук. Если не детского плача, то хотя бы звонка. На пороге стояла мама, руки ей оттягивали два гигантских пакета.

– Разбудила? – испуганным шепотом спросила она. – Никак ключ не могла достать.

Ответить Кречет не успел. Евочка выдала совсем уж отчаянный рев. Мама сникла. Кречет забрал у нее пакеты и понес на кухню. Голова раскалывалась так, что закладывало уши. То ли мигрень начиналась, то ли он просто больше не мог находиться дома. Среди всей этой усталой безысходности.

Пока мама что-то пристыженно бормотала в спальне, Кречет наскоро обулся и выскочил в подъезд. Чем быстрее мелькали у него под ногами ступеньки лестницы, тем легче становилась голова. И все поганее становилось на душе. Так что Кречет решил довериться ногам.

Они несли его по тротуарам. Отцветала сирень, желтые головки одуванчиков на газонах уже поседели, девушки переоделись в лен и хлопок, парни сменили кроссовки на кеды полегче, самокатчики набирали скорости, чтобы в приемных покоях городских травмпунктов не успевали заскучать врачи. На дежурство Кречету было только завтра, а вечер сгущался так томно и пахло так сладко, что отчаянно захотелось пива. Горьковатого, с плотной пенкой. Холодного настолько, чтобы по стакану стекал конденсат.

Кречет огляделся. Район, куда он бездумно дошагал, не разбирая дороги, казался незнакомым. Родительская квартира и без того была в спальнике, а вышел он к городскому отшибу – унылые пятиэтажки, парочка серых высоток, продуктовый магазин и заросшее травой поле, к которому пока еще не дотянулись руки строителей очередного ЖК. Пивом из запотевшего стакана тут и не пахло. Только теплым пойлом на розлив из бочки, где, по заверению городских легенд, обитали плотоядные черви. Кречет чертыхнулся и полез за телефоном, чтобы выстроить маршрут до ближайшей пивной, когда на нижнем этаже дома, стоящего на границе с полем, мигнула и зажглась вывеска. Кречет машинально прочитал название. Замер. Прочитал еще раз. Загрузил-таки карту района, изучил местность. И снова чертыхнулся.

Бар «Полынь» в списках местных заведений не значился. Но и исчезать тоже не планировал. Кречет постоял еще немного. И пошел на свет вывески. Других планов на этот вечер у него все равно не было.

Как и не было других посетителей в баре. Но это Кречета не удивило. Стоило толкнуть дверь и войти, и на него пахнуло таким плотным и горьким духом полыни, что все вопросы к названию испарились сами собой. Кречет закашлялся, глаза заслезились, пока он тер их, из подсобки к барной стойке вышел мужчина и посмотрел на Кречета с вежливым интересом.

– Добрый вечер, – сказал он и неожиданно протянул Кречету руку через стойку. – Артем.

– Костя, – замешкавшись, представился Кречет, ответил на рукопожатие и добавил: –
Добрый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.